

1

— Ганн, неужели ты вытащил меня из дома в эту дыру только для того, чтобы показать выступление какого-то хиппи?

— Во-первых, не вытащил, а культурно привел в лучшее заведение Лос-Анджелеса. А во-вторых, этот парень не какой-то хиппи, а восходящая звезда. Правда, пока он известен только в узких кругах.

23 августа 1994 года в 23:01 богемное общество Лос-Анджелеса начало охоту за удовольствиями в самых экзотичных клубах с плохой, по мнению обычных работяг, репутацией. Одним из таких заведений был PRIVATE CLUB. Благодаря крыше с нависающими краями он чем-то напоминал синюю обувную коробку. Фасад небольшого одноэтажного заведения был облицован темным кирпичом, а металлический козырек с тонкими колоннами покрывало темное пластиковое стекло.

Несмотря на расположение в самом конце Лидстрип-стрит, каждую ночь PRIVATE CLUB был до отказа набит посетителями. Цена на пропуск

Медина Мирай

составляла около пятисот долларов, хотя эта пластиковая карточка представляла собой лишь доказательство того, что ты готов отдать хозяину клуба как минимум столько же за одно посещение.

Мы с Ганном приближались к клубу, неспешно прогуливаясь по освещенной Лидстрип-стрит. Время от времени в глаза бил яркий свет фар несущихся навстречу машин, заполненных шумными детишками богачей со своими живыми куклами.

Ганн рисковал свернуть себе шею, разглядывая проходящие мимо компании. Ему только исполнилось тридцать шесть, но из-за растрепанных золотистых волос до плеч, небритости и потускневшей благодаря алкоголю и сигаретам кожи выглядел он на все сорок пять. А с недавних пор еще и цвет его лица приобрел землистый оттенок.

Если его умыть, побрить, хорошенько причесать, заставить месяц качаться, чтобы убрать дряблость рук, выпятить вперед впалую грудь, выпрямить осанку и подобрать приличную одежду, выбросив старые растянутые рубашки с выгоревшими штанами, то он стал бы похож на нормально-го человека.

Ганн был моим *настоящим отцом*.

— Поверь мне, Питер, — размахивая руками, Ганн едва не задел влюбленную парочку, — вам стоит познакомиться. Он делает успехи в музыке, которой ты хочешь заняться, а ты делаешь успехи в кино, которым хочет заняться он.

— Мои попытки побриться в большое кино уже можно называть успехами?

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

— Учитывая твой возраст, — да.

Ганн иногда говорил с хрипотцой, но сейчас он не просто хрипел, а давился этим хрипом и очень походил на бездомного. Не хватало только пары синяков на лице. Вообще, неаккуратный вид Ганна был его фишкой. Людей всегда привлекали те, кто отличался от других, без разницы внешне или внутренне. Своим образом Ганн доказывал, что внутри у него ничего, кроме органов, нет, а сделать привлекательную внешность — да пожалуй-ста!

— Ты знаешь, что я не люблю знакомиться. — Я ткнул его в грудь, пока он прочищал горло, и поправил челку, задев круглые очки.

— Сними уже их, — сделал замечание Ганн, продолжая шагать. — Сейчас ночь, в них ничего не видно. Еще собьешь кого-нибудь.

— И это мне говорит человек, который даже без очков и со стопроцентным зрением ничего не видит.

Ухмыльнувшись, Ганн сжал мое плечо. Он был выше меня сантиметров на десять и смотрелся бы еще выше, если бы не горбился.

— Думаешь, что в свои восемнадцать ты такой умный? Люди тянутся к тебе из-за привлекательной внешности. Они хотят быть с тобой из-за твоей обертки, а не из-за того, что у тебя внутри, в твоей душе. А там одна лишь тьма, — спокойно проговорил Ганн. — Меня печалит твой образ жизни. В последнее время ты подсел. Однажды твое тело этого не выдержит.

Медина Мирай

Я закатил глаза. Как же я устал от этих нравоучений! Меня бесила чрезмерная забота Ганна. Да, я считал его своим *настоящим отцом*, поскольку он научил меня жизни, сделав то, чего не смог сделать ни один из моих родных родителей, но все же.

— Это моя жизнь. Я делаю то, что хочу, — произнес я резче, чем собирался.

— Ты же понимаешь, что это губит тебя?

— Понимаю, но мне тяжело справиться с соблазном. Это зависимость, и тут мало просто перестать.

— Именно поэтому тебе следует лечиться.

Я устал быть ребенком. Устал ждать момента, когда на меня станут смотреть как на равного. Устал выслушивать упреки от людей, которые ничем не лучше. Знаете, как Ганн обычно поступал после подобных резких ответов? Убирал руку с моего плеча и продолжал идти рядом со мной, но уже молча. А знаете, как он в итоге поступил на этот раз? Точно так же!

Но спустя ровно две минуты — я даже засек! — он заявил:

— Если будешь бросаться из крайности в крайность, не доживешь даже до премьеры «Дневника баскетболиста» в следующем году.

— Прекрасно! О большем я и не мечтаю. Ведь уверен, после этой экранизации ты от меня не отстанешь. Ты заставлял меня перечитывать это художественное пособие для наркозависимых четыре раза!

— Неужели ты все разы послушно читал?

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

— Ну конечно же, нет!

Он тяжело вздохнул.

— Жаль, что в мои восемнадцать не нашлось человека, который говорил бы мне то же, что говорю тебе я.

Я хотел сглотнуть, но от услышанного затаил дыхание, пусть и всего на пару секунд. Ганн даже не заметил этого.

— Однажды я займусь лечением, — нехотя признался я.

— Главное, чтобы не было слишком поздно.

Забота моего *настоящего отца* — практически самое лучшее, что происходило в моей жизни. Я ощущал себя неоперившимся птенцом под теплым крылом родителя, прятавшего меня от холодного дождя, и очень ценил это ощущение. И вместе с тем я был непослушным птенцом, который так и норовил выпрыгнуть из гнезда. Меня ловили, тщательнее укрывали, но я все выпрыгивал и выпрыгивал.

Каждый раз, когда я делал это, в голове крутилась мысль: «Это неправильно. Это погубит меня. Есть люди, которым я дорог».

Похоже, не так уж сильна была моя любовь к этим людям. А может, такая любовь — мой предел. Просто я не мог любить сильнее.

Да и вообще, я считал любовь временным явлением, срок годности которого истекает быстрее, чем у колы.

Мне никогда не нравилась Лидстрип-стрит по ночам: из-за PRIVATE CLUB она оживала и сияла

Медина Мирай

сотнями разноцветных огней. Соседние заведения врубали на всю мощь музыку девяностых, и даже восторженные крики проезжающих на дорогах тачках подростков не могли ее заглушить.

Впереди показался знакомый уголок. Люди толпились возле входа в клуб: одни смеялись, другие ругались с охранниками, убеждая, что забыли свой пропуск, а третьи молча стояли и наблюдали.

В кармане кожаной куртки я нащупал свой пропуск, хотя благодаря Ганну, частому гостю этого заведения и другу его хозяина, охранники уже не раз пропускали меня и без него. Однако я все равно каждый раз переживал, опасаясь, что им что-то не понравится и меня опозорят громким отказом.

В тот момент, словно уловив мои сомнения, Ганн положил руку мне на плечо и с доброй улыбкой произнес:

— Ты выглядишь классно, как всегда.

Его взгляд плавно опустился на мою куртку. Именно Ганн подарил мне ее на восемнадцатилетие.

Мы подошли к входу. Охранники, не потребовав пропуска, отступили от дверей.

Я готовился в очередной раз погрузиться в «богемную тьму».

2

У каждого присутствующего здесь имелась собственная история, большую часть которой занимала трагедия. Это стало своеобразной закономерностью: если кто-то несчастен в материальном плане, то он счастлив в духовном. Или наоборот. Или несчастен во всех отношениях.

А еще существовали такие люди, как я. Они составляли примерно половину присутствующих. Этакie бесцельно прожигающие свою жизнь существа, которые жили от одной вечеринки до другой, выкачивали деньги друг у друга ради оплаты экзотического удовольствия, забытья и мнимой скоротечной свободы. Я не любил такие тусовки, и это отличало меня от остальных. Однако рискнуть ради пары минут блаженства — я считал, оно того стоит, если твоя жизнь практически не имеет цены. Кто-то восхвалял тебя, кто-то ненавидел. Все это должно было вызывать мысль, что ты живешь, ты важен и заставляешь кого-то думать о себе. Но что делать, если тебе все равно? Если в свои восемнадцать ты не видишь ни одной причины жить дальше?

Медина Мирай

В погоне за деньгами люди не замечали, как пролетает жизнь. Очень поздно осознавали, что с самого начала растрачивали себя неправильно.

Я не гнался за богатством и все равно чувствовал, насколько быстротечна жизнь. Ее воды несли меня в туманные края, в которых я, как и все остальные, однажды исчезну и не смогу найти дорогу назад.

Мне стоило спросить себя, чего же я хочу, чтобы выпасть из реальности, и не только бессмысленно искать ответ на этот вопрос, но и забыть о том, кто я есть.

Я просто плыл в лодке, которой управлял кто угодно, но только не я, а ведь иногда так хотелось повернуть ее в другую сторону. Но тут же возникала мысль: «Зачем? Мне и так хорошо», — и я вновь садился на место.

Из размышлений меня вырвал Ганн, взяв за руку выше локтя.

— Почему ты такой хмурый? Улыбнись.

И я улыбнулся. Почти искренне. На этот раз моей лодкой управлял Ганн. Кто следующий на очереди?

Мы проталкивались через толпу.

Напротив входа в зал располагалась небольшая сцена. Никаких лишних декораций: только драпированная синей тканью стена, микрофон, барабанная установка на заднем плане и свет прожекторов, падающий с металлического каркаса точно на фигуру посередине. Сейчас там выступал музыкант, что-то несвязно шепча в микрофон.

РЕКА МОИХ СОЖАЛЕНИЙ

За что я ненавижу PRIVATE CLUB, так это за отсутствие свежего воздуха, толпу и занятость столиков, за которыми обычно сидело около восьми человек вместо пяти положенных.

— О, Ганн! Как делишки? — спросил у него кто-то.

Я не стал обращать особого внимания на очередного пристава, без интереса наблюдая за выступлением музыканта. Лишняя захламленность головы ненужными знакомствами мне была ни к чему.

— Отлично! — ответил Ганн, сжимая мою руку сильнее, словно боялся, что нас разлучат. — Ты не видел Роллинса?

— Он шатается где-то здесь, от столика к столику. Смотрю, ты снова со своим сопляком.

Я обернулся. Вскинул брови, напряг лоб и, сжав губы, окинул собеседника Ганна внимательным взглядом с головы до ног. Буквально пару мгновений назад украшавшая его лицо улыбка медленно увяла.

— П-питер Чекфил? Не узнал вас в очках. — Он виновато опустил глаза. — Я смотрел ваш фильм «На двадцать шагов назад».

И это, пожалуй, был единственный нормальный фильм, в котором я снялся.

Меня давно не трогало людское восхищение. Особенно когда его выражали те, кто только что смешивал меня с грязью, а теперь старательно пытался восстановить мое доверие.

Я демонстративно снял несчастные очки, повесил их на горловину футболки, убрал волосы со лба

Медина Мирай

и развел руки, насколько позволял стоявший рядом народ.

— А так я меньше похож на сопляка?

Ганн с нервным смешком попробовал перевести все в шутку, как будто не знал, насколько это бесполезно.

Я был слишком вспыльчивым и импульсивным. Разозлить меня — дело двух слов, оставить в моей памяти неприятное впечатление минимум на пару лет — дело двух секунд.

Музыкант сыграл последний аккорд, и зал взорвался от восторженных криков и аплодисментов. Люди начали разбредаться по углам и выходить на улицу. Место в радиусе трех метров от сцены мгновенно освободилось, но шума и гомона меньше не стало. Выступавший парень покинул сцену и поспешил к своей компании принимать поздравления за свое не самое лучшее выступление из тех, что я видел, и уж тем более не самое лучшее пение, которое слышали стены этого клуба.

В свойственной ему манере привлечь мое внимание Ганн хлопнул меня по плечу и направился к столику. Рядом с ним маячил уже знакомый мне Роллинс — хозяин PRIVATE CLUB. Я узнал его по длинным кудрявым каштановым волосам. В дурацких джинсах клеш, ботинках и красной курточке нараспашку, благодаря обтягивающей майке, демонстрирующей его складчатый живот, он выглядел... отвратительно, тошнотворно и смешотворно.

— Кого я вижу! — Он повернулся к нам и хлопнул в ладоши. — Да это же мои долгожданные гости!